

Наталья

<http://www.illuminator.info/lichniy-opyt/natalia>

Еще когда он маленький был, я видела, что он не такой, как все: ранимый, тонко чувствующий; видела, что должна его защищать. Я даже от папы его прикрывала. Потому что когда он напирал на него своим мужским воспитанием, я все время говорила: “Оставь его в покое, не надо его ломать, не трогай его”.

Когда ему было лет 10, до меня, наконец, дошло, что это не просто тонко чувствующая натура, а это – гомосексуальность. Но на эту тему мы с ним не разговаривали. И вот здесь, я считаю, была моя ошибка, инфантильность какая-то. Мне казалось, что я и так замечательно к нему отношусь, что ничего не изменилось, что как все было, так и есть. Любимые дети, что один, что другой. Нет никакого отчуждения, отстранения от него. Он, как мне казалось, чувствовал, что я его очень люблю. Кроме того, я тогда не знала, что сказать, как это сказать, как поговорить. И, мне кажется, это ужасная ошибка. Я только теперь это понимаю. Потому что именно в этот период, с 10 лет, а может, и раньше, он начал осознавать это в себе, понимать, насколько он другой. И теперь я понимаю, как ему было страшно. Ведь осознать это, понять – это же просто космическое одиночество. Жуть. Все другие. Далеко не все это принимают, многие смеются. И в школе, я думаю, тоже было отчуждение.

Много позже он сам пришел поговорить. Не помню, сколько ему было лет, после школы, наверное. Он пришел сказать, что он другой. Типа, вот: “Делайте со мной, что хотите”. То есть такое ощущение, что человек пришел просто сдаваться.

Если бы я могла вернуть время, когда ему было лет 9-10, я бы сказала, что с ним все в порядке, что всякое бывает в жизни, что люди разные, и это нормально. Потому что этот подростковый период становления психики – сам по себе жуткий, а тут еще такое обрушивается на ребенка, и никого рядом, никого, кто бы сказал: я с тобой, с тобой все в порядке, живем дальше, все замечательно. Страшно, что он один вот это все нес в себе.

Для родителя очень важно, чтобы у него по этому вопросу была гармония с самим собой. Да, конечно, мы любим своих детей, говорим: “Ну, вот он такой, ну, да”. Если ты так говоришь, значит, ты внутри не принимаешь это. Значит, ты его до конца тоже не принимаешь. Сначала надо разобраться с собой. Я шла через науку, другие – как-то еще. Мне легче с научной точки зрения объяснять, у меня тогда быстро все складывается. И тогда тебе самому будет легко, будет легко выстраивать отношения с сыном или дочерью. Они будут чувствовать, что все нормально.

Еще я хотела бы сказать по поводу нашего интервью, что оно очень важно для меня, потому что мне нужно было вслух эту тему проговорить. Все эти годы я держала это в себе, ни с кем на эту тему никогда не говорила. Пара моих подруг они знают о Диме, но опять же я с ними никогда на эту тему не говорила, они просто знают. Поэтому для меня это интервью – это преодоление страха внутри себя. Такой очень важный момент – проговорить это все и освободиться.

<http://illuminator.info/>